

Отверженные

КЗ. 25 мая 1989.

РАССКАЗ О СУДЬБЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ, ПОПАВШЕЙ В 1929 ГОДУ ПОД РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Я родился в 1912 году в селе Николаевка Омской области в семье крестьянина-середняка. С восьми лет пошел учиться в школу. В хозяйстве у нас было 3 лошади, 3 коровы, овцы, куры, сеяли 8 гектаров зерновых. Продуктов питания нам хватало, излишки продавали на рынке. Семья наша состояла из 11 человек: отец, мать, бабушка и 8 детей. Мне и брату, который был старше меня на два года, приходилось работать с раннего утра до позднего вечера — пахать, сеять, убирать хлеб, косить сено, а зимой ухаживать за скотом, заготавливать дрова, чистить снег. Отец много времени уделял общественной работе. В 1927 году организовал товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ), стал его председателем. Купили трактор, сложную молотилку и другой сельхозинвентарь, брат работал трактористом в товариществе, а иногда приходил ему помогать. Жизнь в селе шла нормально, динамично, и у нас не было никаких осложнений. Крестьяне жили в достатке, с продуктами питания проблем не было, так же — с товарами. Можно жить и радоваться.

В 1928 году я поступил учиться в Исилькульский агропедтехникум. Но, начиная со следующего года, вся наша жизнь пошла кувырком.

В 1929 году по ложному доносу отец был арестован органами ОГПУ. Арестовали еще 10 крестьян. В это время началась насильственная коллективизация. Наша семья попала под раскулачивание. Вскоре мать с четырьмя детьми в зимнее время выслали в Нарым. По дороге туда умерло двое моих братьев, а я с двумя сестрами жил у дедушки — это спасло нас от ссылки. Брата, как «сына кулака», послали на принудительные работы в Омск. Жизнь моя резко осложнилась и мате-

риально, и психологически. Дело в том, что еще до ссылки «детей кулаков» исключали из школы, из клубов выгоняли, нельзя было даже посмотреть кино.

В 1930 году я продолжал учебу в техникуме. Однажды приходят два милиционера, вызывают студентку Нину Переверзеву и прямо с занятий под конвоем уводят как «дочь кулака». Через неделю увели под конвоем секретаря комсомольской организации Королева. Их отправили в ссылку в Нарым. Однажды завуч техникума Попов вызывает меня в свой кабинет и сообщает мне по секрету, что за мной приходили из милиции, но педколлектив защитил меня на том основании, что я находился на иждивении у дедушки. В мае 1930 года я ездил «зайцем» в Омск по поводу ареста отца. Возле здания ОГПУ увидел длинную очередь людей, которые, как и я, пришли узнать о судьбе своих родственников. В ОГПУ мне ответили, что отца отправили в Новосибирск.

О его судьбе до сих пор ничего не известно.

В 1931 году я закончил техникум и по моей просьбе меня направили в глухой Борисовский район, это 90 километров от Исилькуля. Я надеялся на то, что там никто не будет знать, что я «сын кулака». Проработал полгода в школе сравнительно спокойно. Зимой случайно встретил односельчанина Стальбовского, который поспешил сообщить куда следует обо мне. Что делать? Нужно переезжать в другие отдаленные места. К этому моменту я получил письмо от матери, она слезно просила меня облегчить ее положение в ссылке. Из Нарыма она бежала, ее выслали в Каргасокский район.

Я решил ехать к матери. О своем решении рассказал инспектору района Смирнову, он посоветовал мне

ехать в Новосибирск, в Запсибкрай. Я поступил по его совету, однако не успел уехать — заболел тифом. Едва поправился, поехал в Новосибирск. Оставив двух маленьких сестер на пристани (к этому времени они были на моем попечении), направился в край. Заведующий крайоно Яковлев принял меня доброжелательно, выслушал внимательно, а затем сказал, что дело серьезное — надо посоветоваться. Попросил прийти через час. Через час Яковлев предложил мне поехать в Чаинский район и поступить на работу в Галкинскую участковую комендатуру. А на следующий год съездить за матерью, тогда никто не узнает, что она ссыльная, а я «сын кулака». Идея хорошая. Выдали мне направление в Чаинский район, подъемные деньги. Добирался с сестрами в течение 12 дней, где воюю, а где и лешими. В комендатуре меня зачислили в культурно-воспитательную часть как вольнонаемного по организации школ со 100-процентной надбавкой к зарплате, со всеми привилегиями начальствующего состава комендатуры. Еду организовывали обучение детей в Суховскую поселковую комендатуру.

Подходит конец учебного года, я стал готовиться к отъезду в Каргасок. Но тут меня срочно вызывают в участковую комендатуру и предлагают принять детский дом, так как к этому времени много стало поступать сирот, родители которых умерли по дороге с Северного Кавказа в Нарым. Пришлось согласиться. В детдоме работы было много, дети поступили истощенные, больные, нужно всех накормить, одеть, разместить, а снабжение было плохим, были смертные случаи. Летом 1933 года приезжал начальник ОГПУ по Запсибкраю Иван Ива-

нович Долгих, интересовался жизнью и бытом сирот в детдоме. Он приказал участковому коменданту Шипицину кормить детей по потребности, обеспечить полностью одеждой и обувью. Жизнь сразу изменилась в лучшую сторону.

В августе меня вызывает участковый комендант в управление, где сообщает, что моя мать сослана в Каргасокский район, просит, чтобы я взял ее на свое иждивение, тут же поинтересовался, как все это произошло. Я ему ответил, что, по-видимому, ее сослали недавно, когда я стал работать в школе. «Ну что же, нужно помочь матери», — сказал Шипицин.

Вся моя конспирация пошла насмарку. Матери сообщил, что приеду летом 1934 года. Перед тем как ехать за матерью, я решил заручиться соответствующим документом И. И. Долгих. Еду, опять с сестренками, в Новосибирск, в управление ОГПУ. В управлении мне дали пропуск к И. И. Долгих. Долго я стоял в нерешительности возле его кабинета, подумал: «А вдруг меня спустят вниз, к арестантам, что будет с сестрами, которые остались на пристани?». Наконец набрался храбрости, вошел в кабинет. Долгих выслушал меня внимательно, велел написать заявление на его имя. Наложил резолюцию: «Отправить Путилову Е. М. по месту работы ее сына. Долгих». На пристань я от радости бежал бегом.

Приезжаю в Каргасокскую комендатуру, обращаюсь к участковому коменданту Никитину, показываю свое заявление с резолюцией Долгих, Никитин тут же пишет поселковому коменданту 71-го километра, чтобы тот освободил мою мать и на дорогу снабдил лодкой и продовольствием. С трудом добрался до поселка 71-й километр на реке Чижайка. Мать и сестры были

на грани истощения. Младшая сестра Зинаида едва передвигала ноги. Много сбежалось жителей, я почти всех знал. Среди них были учительницы Мария Николаевна Масленникова, Шунтакова. Не обошлось без слез. Через три дня я с матерью и двумя сестрами (две оставались в Кургаске) отправился вниз по реке Чижалке, а затем по Васюгану к Кургаску. Несколько раз на пути к нам подплывали стредки для проверки документов. От устья Чижалки до Кургаска плыли ночью. Штормило, шел дождь, темнота, лодку заливало водою, ко всему этому лодка села на мель, и нам в полночь пришлось по пояс в воде перебраться на берег. На рассвете мокрые, голодные, озябшие стали продолжать свой путь.

На другой день я, мать и теперь уже четверо сестер поплыли на пароходе вверх по Оби до Колпашева. В Колпашеве сели на катер и по реке Чае добрались до села Подгорного. Продукты питания истощились, да и денег осталось маловато. Но нам повезло. В селе Подгорном находилась перевалочная продовольственная база Галгинской участковой комендатуры. Начальство, узнав мое положение, снабдило нас в достаточном количестве продовольствием, дало муку, и мы отправились вверх по Галке до поселка Сухой. На этом наше путешествие окончилось. Мать зачислили спецпереселенкой, а я числился вольнонаемным. Начиная с 1935 года спецпереселенцы стали получать гражданские права, создавались районные учреждения, организации (райком, райисполком, райпотребсоюз, райзо и т. д.).

Но неприятности наши на этом не закончились. По инициативе председателя райисполкома Михайлова меня исключают из комсомола на том основании, что я «сын кулака». По моей апелляции меня в комсомоле восстанавливают, но выносят строгий выговор, по настоянию опять же Михайлова, на том основании, что я раньше не взял мать на свое иждивение. Вот такие бывают в жизни парадоксы.

Началась война, меня мобилизовали в армию. Зачислили в школу связистов, а

когда узнали, что я «сын кулака», направили в стройбат. Работал на строительстве Новосибирского металлургического завода. Осенью 1941 года приехала комиссия Центрального района Новосибирска, меня призвали в армию. Летом 1942 года участвовал в боях против немецких оккупантов в Сталинграде, где был ранен. 5 месяцев в госпитале, затем участвовал в боях на Курско-Орловской дуге. В 1943 году вступил в партию. Войну закончил в Австрии, был награжден орденами, медалями. Благополучно вернулся в Бакчар. Так я стал вроде бы гражданином Советского Союза. Но не тут-то было! В 1946 году по инициативе секретаря райкома партии В. Ф. Яновича вызывают на бюро райкома и дают мне строгий выговор с занесением в учетную карточку за то, что я скрыл свое социальное положение как «сын кулака». Во время приема в партию политотдел не обратил на это внимание, в учетной карточке в графе «социальное положение» мне записали «из крестьян».

Перевели меня в Томский район, где работал директором Протопоповской семилетней школы, а затем Кузовлевской. Везде работу мою оценивали хорошо, пытались повысить. Но, как только посмотрят в учетную карточку, где записано «сын кулака», так сразу отбой. Переехал в Алтайский край (переводом), но и здесь такая же картина.

За мое повышение были настоящие партийные, советские руководители, против — бюрократы, карьеристы. О своей работе мне судить неудобно, но десять созывов я избирался депутатом в местные Советы.

43 года, до самой пенсии, ярлык «сын кулака» мешал мне жить. Но мир не без добрых людей, они в трудную минуту протягивали руку помощи.

Мать и брат умерли, сестры получили образование, работали в Томске, сейчас трое находятся на пенсии, одна умерла.

От всей этой косности, безразличия к людям можно избавиться только перестройкой. Я — за активную перестройку.

П. ПУТИЛОВ.